Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2026. Т. 26, вып. 3. С. 336–342
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2026, vol. 26, iss. 3, pp. 336–342
https://imo.sgu.ru https://doi.org/10.18500/1819-4907-2026-26-3-336-342, EDN: EQUAHU

Научная статья
УДК 314.151.5-054.65(44+47+57)|1945/1946|

Репатриация французских военнопленных из СССР (1945–1946)

Н. В. Башкирева

Воронежский государственный педагогический университет, Россия, 394043, г. Воронеж, ул. Ленина, д. 86

Башкирева Наталья Валерьевна, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории России, nat.val.saf@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-0307-4481, AuthorID: 702210

Аннотация. В статье на основе документов Российского государственного военного архива, впервые вводимых в научный оборот, предпринята попытка реконструировать процесс организации возвращения на родину французских военнослужащих немецкой армии, попавших в советский плен в годы Великой Отечественной войны. Прослежен ход репатриации от заключения соглашения с временным правительством Французской Республики в июне 1945 г. до отъезда на родину последней организованной группы, состоящей из эльзасцев-лотарингцев, летом 1946 г. Отмечается значительная организационная работа, осуществленная ГУПВИ НКВД/МВД СССР по выявлению жителей регионов Эльзас и Лотарингия, подлежащих репатриации. Сделан вывод о том, что советская сторона выполнила все взятые обязательства, и подавляющее большинство французских военнопленных, несмотря на все сложности послевоенного времени, в кратчайшие сроки было репатриировано.

Ключевые слова: французские военнопленные, репатриация, лагерь НКВД № 188, Рада, Тамбовская область, Эльзас, Лотарингия

Для цитирования: *Башкирева Н. В.* Репатриация французских военнопленных из СССР (1945–1946) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2026. Т. 26, вып. 3. С. 336–342. https://doi.org/10.18500/1819-4907-2026-26-3-336-342, EDN: EQUAHU

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Repatriation of French prisoners of war from the USSR (1945–1946)

N. V. Bashkireva

Voronezh State Pedagogical University, 86 Lenina St., Voronezh 394043, Russia

Natal'ja V. Bashkireva, nat.val.saf@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-0307-4481, AuthorID: 702210

Abstract. The article attempts to reconstruct the process of organizing the return to their homeland of French soldiers of the German army who were captured by the Soviets during the Great Patriotic War. It traces the course of repatriation from the conclusion of an agreement with the provisional government of the French Republic in June 1945 to the departure of the last organized group of Alsace-Lorraine residents in the summer of 1946. The article highlights the significant organizational efforts made by the State Committee for the Repatriation of Prisoners of War and Interned Persons of the NKVD/MVD of the USSR to identify residents of the regions of Alsace and Lorraine who were eligible for repatriation. It was concluded that the Soviet side fulfilled all its obligations, and the vast majority of French prisoners of war were repatriated in the shortest possible time, despite all the difficulties of the post-war period.

Keywords: French prisoners of war, repatriation, NKVD camp No. 188, Rada, Tambov region, Alsace, Lorraine

For citation: Bashkireva N. V. Repatriation of French prisoners of war from the USSR (1945–1946). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2026, vol. 26, iss. 3, pp. 336–342 (in Russian). https://doi.org/10.18500/1819-4907-2026-26-3-336-342, EDN: EQUAHU

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Проблемы репатриации военнопленных Второй мировой войны являются сегодня одним из важных направлений исследования истории военного плена и интернирования в СССР. Значимый вклад в разработку вопросов организации возвращения иностранных военнопленных на родину в послевоенный период внесли Ю. Н. Арзамаскин [1], С. Г. Сидоров [2, 3]. В последние десятилетия опубликован ряд трудов, затрагивающих историю репатриации военнопленных отдельных национальностей [4–6]. Вместе с тем ряд сюжетов до сих пор остаются недостаточно изученными российскими исследователями. Так, практически не получил освещения в отечественной историографии процесс организации отправки из советских лагерей

© *Башкирева Н. В., 2026*

на родину французских военнопленных. За исключением нескольких публикаций по истории тамбовских лагерей, в которых затрагиваются вопросы репатриации французов [7, 8], специальных исследований по данной проблематике не предпринималось, что обуславливает актуальность обращения к анализу заявленной темы.

Как известно, репатриация из тыловых лагерей НКВД СССР началась летом 1945 г. Первыми, на основании постановления ГКО № 8921 сс от 4 июня 1945 г. и приказа НКВД СССР № 00698 по его выполнению от 15 июня 1945 г., на родину были отправлены больные и нетрудоспособные военнопленные из числа рядового и унтер-офицерского состава. Массовая же репатриация иностранных военнопленных началась с постановления ГКО № 9843 сс от 13 августа 1945 г. и приказа НКВД СССР № 00955 от 10 августа 1945 г. – освобождению из фронтовых и тыловых лагерей подлежало более 700 тысяч человек разных национальностей, за исключением участников зверств и лиц, служивших в войсках СС, СД, СА и гестапо [9, с. 54]. Однако французов в перечне освобождаемых и отправляемых на родину не значилось. Политические мотивы предопределили необходимость осуществления репатриации французских военнопленных в особом порядке.

Постановлением СНК СССР № 1497–341 с от 26 июня 1945 г. было утверждено «Соглашение о содержании и репатриации советских и французских граждан, находящихся под контролем французских и советских властей» [10, л. 53]. В соответствии с подписанными документами отправить на родину следовало всех советских и французских граждан, в том числе и тех, кто подлежал «привлечению к ответственности за совершенные ими преступления, в том числе и за преступления, совершенные на территории другой Договаривающейся Стороны» [11, с. 358]. Данное решение имело под собой как политические, так и социально-экономические основания: советское правительство стремилось укрепить союзнические отношения с Францией и в противовес антисоветской пропаганде сформировать позитивный образ государства-освободителя, а также снизить нагрузку на лагерную систему, потреблявшую значительные экономические ресурсы в условиях их дефицита.

Во исполнение указанных в соглашении обязательств Главное управление по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ) НКВД спешно приступило к организации подготовки репатриации французских военнопленных, которых на 1 июля 1945 г. числилось 15 139 человек, в том числе 10 845 – в тыловых лагерях [12, л. 2].

Основным местом концентрации французских военнопленных начиная с 1944 г. являлся Радинский лагерь НКВД № 188 в Тамбовской области [13, л. 3] – первоначально сюда предписывалось переводить французов с перспективой формирования из мобилизованных в вермахт жителей Эльзаса и Лотарингии воинского подразделения для участия в боевых действиях против Германии. Собственно первыми французскими репатриантами стали 1500 военнопленных, отправленных из Рады в июле 1944 г. в армию генерала де Голля, в соответствии с Постановлением СНК СССР № 590-168сс от 23.05.1944 г. «О порядке передачи военнопленных германской армии французской национальности ФрКНО» [14, л. 16–19]. Однако и после отъезда этой группы Тамбовский лагерь продолжил оставаться местом сосредоточения взятых в плен французских солдат немецкой армии – они этапировались в Раду из разных лагерей страны [15, л. 10, 13, 17–20, 98, 104].

К концу октября 1944 г. лагерь № 188 оказался переполненным – представитель УПВИ сообщал в центральный аппарат о невозможности приема прибывающих французов, поскольку лагерь был заполнен военнопленными других национальностей. Начальнику лагеря было предложено увеличить жилую зону, сократив производственную, и обеспечить тем самым бесперебойный прием французских военнопленных, что и было сделано [16, л. 24–25].

На 19 января 1945 г. в лагере № 188 числился 5661 французский военнопленный из общего числа пленных французов (8051 чел.), находящихся в советских лагерях и спецгоспиталях [14, л. 113]. 28 апреля 1945 г. последовало указание ГУПВИ № 27/28, на основании которого все французы и эльзасцы подлежали отправке из других лагерей в Радинский [17, л. 5]. Справочные данные ГУПВИ о численном составе французского контингента, содержащегося к июлю 1945 г. в Тамбовской области, несколько противоречивы, вместе с тем по сведениям Управления, помимо Рады, несколько тысяч французских военнопленных (из 15 139 учтенных) к этому времени было рассредоточено еще по 106 тыловым лагерям, а более 3600 человек находились во фронтовых приемно-пересыльных лагерях [12, л. 3–4, 7]. В целях организованной отправки на родину из тыловых лагерей они направлялись в Раду.

Организация отправки французских военнопленных из СССР осуществлялась Управлением уполномоченного СНК СССР по делам репатриации. Первоначально планировалось направить французов в приемно-передаточный пункт в немецком Бельциге для последующей транспортировки на родину через линию войск. 12 июля 1945 г. начальник ОПВИ УНКВД по Тамбовской области получил предписание из Москвы – всех военнопленных французов, содержащихся в лагере 188, срочно направить в г. Бельциг (Германия) и передать их органам репатриации [12, л. 9–10]. Отправляемым

надлежало выдать лучшее трофейное обмундирование и обувь, обеспечить каждого вещевым мешком, котелком или миской, кружкой, ложкой, парой запасного белья, полотенцем и мылом. Перед отъездом следовало произвести комплексную санитарную обработку, больных до момента выздоровления отправлять запрещалось. Репатриируемые французы должны были быть обеспечены питанием на весь путь следования, в том числе горячим. С этой целью в эшелоне предусматривалась организация вагона кухни, склада для продуктов, овощей и дров. Состав должен был иметь и вагон-изолятор.

Для отправки из Радинского лагеря первой партии французских военнопленных в количестве 2280 человек был сформирован эшелон № 98046. 3 августа 1945 г. он выехал к месту назначения. Через 5 дней в Управление НКВД по Тамбовской области поступило сообщение по в/ч о необходимости отправления французов не в Бельциг, а во Франкфурт-на-Одере [12, л. 12, 25]. Находящийся там лагерь № 69 стал одним из основных мест сбора репатриируемых европейцев [9, с. 54].

Доставленные на родину первые французские репатрианты произвели удручающее впечатление. Французское посольство сообщало 11 сентября 1945 г. в НКИД, что, проведя 18 дней в пути, французы прибыли в Шёнинген «в жалком состоянии, полураздетые и умирающие от голода» [12, л. 32]. В этот же день заместитель уполномоченного СНК СССР по делам репатриации К. Д. Голубев запросил начальника Управления репатриации группы советских оккупационных войск в Германии (ГСОВГ) С. Я. Вершинина, заведующего I Европейским отделом НКИД С. П. Козырева и начальника ГУПВИ НКВД М. С. Кривенко о состоянии переданных французским властям репатриантов и их материальном обеспечении в пути [12, л. 13].

Вероятно, получив данную информацию еще накануне, заместитель начальника ГУПВИ И. А. Петров в записке по в/ч от 10 сентября 1945 г. обращал внимание начальника УНКВД по Тамбовской области на то, что эшелон с французскими военнопленными, отправленный 3 августа из лагеря № 188, прибыл к месту назначения в «исключительно тяжелом состоянии», не получая в пути требуемого объема горячей пищи и должного ухода, чего следовало не допускать в дальнейшем [17, л. 13]. Лагерное руководство, проведя внутреннюю проверку, через три дня рапортовало, что эшелон № 98046 был полностью снабжен всем необходимым, французы хорошо одеты и обуты, получали в течение всего пути питание 2–3 раза в сутки и своевременный медицинский уход, и при сдаче эшелона на станции прибытия никаких претензий заявлено не было. Начальник лагеря также указывал, что вследствие отсутствия конвоя французы в пути обменивали и продавали имеющиеся вещи, резюмируя, что «таким образом, не исключена возможность, что некоторые военнопленные на место назначения прибыли грязными, без обуви и белья» [17, л. 10–10 об.].

В итоге в подготовленной 17 сентября 1945 г. ГУПВИ справке указывалось, что первый эшелон с освобожденными французскими военнопленными был сформирован из физически крепкого контингента, все французы были обуты и одеты по сезону и полностью обеспечены на путь следования продуктами питания. В Акте приема эшелона лагерем репатриантов в Германии значилось: «Физическое состояние всех удовлетворительное, завшивленности нет, одеты по сезону, претензий со стороны военнопленных не поступало. В пути следования военнопленные довольствовались горячим питанием 2 раза в сутки, кроме того, получали на руки другие продукты – консервы, сахар и хлеб. Остаток продуктов на 2 суток сдан в лагерь 241 полностью» [12, л. 36]. Таким образом, констатировалось, что претензии французских властей по поводу «крайнего физического истощения» военнопленных этого эшелона неосновательны.

К началу осени 1945 г. были завершены приготовления к массовой отправке французов из лагеря № 188 на родину. 7 сентября 2-й эшелон с французскими военнопленными (1309 чел.) выдвинулся из Рады [12, л. 25]. Поскольку этот состав являлся санитарным для перевозки больных [17, л. 14], в течение 20-дневного пути во Франкфурт-на-Одере не обошлось без потерь – 60 человек умерло, 14 отстало, 260 были отправлены в медицинские учреждения [12, л. 21].

Группы французов, отправлявшиеся из Рады на родину, оставляли благодарственные резолюции, в которых выражалась признательность советскому народу и правительству за проявленную заботу. Завершались такие прощальные письма неизменно словами: «Да здравствует франко-советская дружба!», «Да здравствует Советский Союз!», «Да здравствует Генералиссимус Сталин!» [18, л. 1–3 об.]. Помимо этого, были подготовлены красочные альбомы восхищенных отзывов французских военнопленных об их пребывании в лагерях Советского Союза с рисунками и фотографиями жизни в лагере [19, 20]. Опубликованные спустя годы мемуары прибывавших в советском плену французов [см., напр., 21] резко контрастируют с хвалебными отзывами и благодарственными письмами времен репатриации – следует признать, что, несмотря на предпринимаемые советским руководством усилия в условиях военного времени, повседневность в советских лагерях, безусловно, была далека от идиллии, способной вызвать восторг.

Репатриация французов осуществлялась довольно быстрыми темпами – в течение сентября из лагеря № 188 на родину было отправлено еще пять эшелонов французских военнопленных. Составы снаряжались фактически каждые 2–3 дня [12, л. 25]. Конечно, в послевоенных условиях имели место трудности организационного характера, в том числе в части обеспечения репатриантов обмундированием в достаточном количестве и требуемого качества. Так, начальник Радинского лагеря И. С. Юсичев в донесении о ходе отправки военнопленных французов в органы репатриации от 13 сентября 1945 г. указывал, что запрос, адресованный в конце июля в Окружное управление военного снабжения НКВД Московского округа на срочную доставку в лагерь вещимущества для обеспечения отправляемых на родину военнопленных, удовлетворен не был, в то время как наличного обмундирования в лагере было недостаточно. В сентябре со склада в Москве было получено, наконец, вещевое довольствие – 1500 шинелей, 2000 пар обуви, 8000 нательных рубашек, 10 000 кальсон, 3000 шаровар [17, л. 10–10 об.]. Однако качество выдаваемого репатриируемым обмундирования по факту в большинстве своем было неудовлетворительным. Так, в актах приема лагерем № 69 во Франкфурте-на-Одере трех эшелонов французских военнопленных, отправленных из Рады во второй половине сентября, отмечено: «Обмундирование ветхое, к дальнейшей носке не пригодное и требует немедленной замены» [15, л. 207–209]. Тем не менее следует констатировать, что в условиях нехватки материальных ресурсов руководство Тамбовских лагерей осуществляло значительную организационную работу по обеспечению эшелонов всем необходимым в пути [8, с. 424–429]. Перед отправкой все военнопленные проходили санобработку, эшелоны сопровождались медработником, обеспечивались медикаментами. В пути имели место случаи госпитализации, как и единичные летальные. Однако подавляющее большинство прибывало к месту назначения в удовлетворительном физическом состоянии [15, л. 207–209].

Настоятельные просьбы Временного правительства Французской Республики незамедлительно предоставить возможность французским офицерам по репатриации посетить Тамбовские лагеря и госпитали, где, по заявлениям вернувшихся первым эшелоном французских военнопленных, оставалось несколько тысяч истощенных и больных эльзасцев [12, л. 32], вызвали решение ускорить отправку на родину из всех госпиталей больных французов [12, л. 13–13 об.]. В соответствии с Директивой НКВД № 157 от 13.09.1945 г. следовало отправить на родину наряду с военнопленными других национальностей всех французов, вне зависимости от их физического состояния [9, с. 808, док. № 8.5]. Таким образом, за исключением не транспортабельных, из лагеря № 188 направлялись для передачи органам репатриации все находившиеся там французские военнопленные. По состоянию на 29 сентября 1945 г. из Рады было переправлено во Франкфурт-на-Одере в общей сложности 11 258 французов [12, л. 25]. К концу года эта цифра возрастет до 11 544 [8, с. 442]. Всего же за 1945 г. 15 871 французский военнопленный был репатриирован из СССР [9, с. 55]. Фактически на этом завершилась массовая репатриация бывших французских солдат немецкой армии. В Раде остались только несколько десятков больных. Последние 19 французов будут отправлены из лагеря № 188 на родину 4 мая 1946 г. [8, с. 272].

Однако французская общественность на протяжении нескольких лет ставила под сомнение заявления советского правительства о репатриации всех находившихся в лагерях СССР военнопленных французов, в том числе призванных в вермахт уроженцев Эльзаса и Лотарингии. В действительности советские органы и структуры, задействованные в репатриации, во исполнение имеющихся договоренностей с французской стороной, предпринимали самые активные меры для того, чтобы отправить на родину всех французских солдат вермахта. В частности, в соответствии со специальным распоряжением ГУПВИ НКВД от 21 сентября 1945 г. осуществлялось выявление уроженцев и жителей Эльзаса-Лотарингии среди всего контингента военнопленных, находящегося на тот момент в советских лагерях. Дело в том, что военнопленные учитывались в лагерях НКВД по национальному признаку, а не по региону проживания. В связи с чем всего на учете значился 131 уроженец Эльзаса и Лотарингии, из которых было выявлено французов по национальности и освобождено из лагерей 67 человек. Оставшиеся 64 человека, по состоянию на 25 сентября 1945 г., продолжали содержаться в лагерях, поскольку в большинстве своем считались немцами [12, л. 33]. Военнопленные эльзасцы-лотарингцы по национальности немцы, в отличие от французов, вплоть до марта 1946 г. из лагерей не освобождались и органам репатриации не передавались в связи с отсутствием специальных на то указаний [22, л. 398].

В январе 1946 г. в советские органы репатриации поступил запрос Французской миссии о расследовании факта наличия в лагере около Тулы якобы не репатриированных 400 эльзасцев-лотарингцев, а также случая отставания от поезда, следовавшего из Тамбовского лагеря, порядка 60 французских военнопленных [12, л. 17]. Проведенная проверка показала, что по состоянию на апрель 1946 г. из советских лагерей было освобождено и передано органам репатриации в г. Франкфурт-на-Одере 18 841 человек

военнопленных французов, большинство из которых были уроженцами Эльзаса и Лотарингии. При этом в лагерях МВД, дислоцируемых на территории Тульской области, содержалось всего 17 уроженцев и жителей указанных регионов, которые 6 апреля были отправлены в лагерь № 159 г. Одесса для дальнейшей их передачи органам репатриации и возвращения на родину. В отношении указанного в запросе французской стороны случая отставания от поезда, руководство ГУПВИ констатировало: «При репатриации военнопленных французов из лагерей Тамбовской области на родину, случаев отставания военнопленных от эшелонов на территории СССР не было» [12, л. 16]. По данным МВД на 1 апреля 1946 г. в СССР находилось всего 583 французских военнопленных, подлежащих освобождению после выздоровления [9, с. 255, док. № 3.48].

В результате организованной органами ГУПВИ специальной работы по выявлению уроженцев и жителей Эльзаса и Лотарингии среди немецких военнопленных, в лагерях МВД и спецгоспиталях было обнаружено 754 немца, проживавших в данном регионе [12, л. 74]. 16 марта 1946 г. наркомам внутренних дел Союзных и автономных республик, начальникам УНКВД краев и областей поступило распоряжение заместителя наркома внутренних дела В. В. Чернышова всех выявленных по директиве ГУПВИ 28/63 от 21.09.1945 г. военнопленных уроженцев областей Эльзас и Лотарингия независимо от их национального признака (за исключением инфекционных и нетранспортабельных больных) из лагерей НКВД освободить и отправить в Одесский лагерь № 159 для последующей передачи в лагерь органов репатриации [22, л. 258]. Причем отправке на родину подлежали даже лица, служившие в нацистских военизированных структурах – в ответ на сообщение зам. начальника УПВИ НКВД Московской области о возможности отправки только 8 из 37 военнопленных – уроженцев Эльзаса и Лотарингии в связи с принадлежностью остальных к карательным органам, последовал жесткий ответ заместителя начальника ГУПВИ Н. Н. Ратушного: «Разъясняю, что военнопленные уроженцы и жители областей Эльзас и Лотарингия, независимо от их национального признака, чинового состава, а также и от их службы в войсках СС, СД, СА подлежат отправке в лагерь 159 МВД г. Одесса для последующего освобождения и направления на родину. Сообщите дату отправки немедленно» [22, л. 279–281].

Репатриируемых эльзасцев предписывалось полностью обмундировать, однако не в немецкую форму. Офицеров и вахтеров, выделенных для сопровождения эшелона, надлежало проинструктировать о соблюдении бдительности и тактичного обращения с военнопленными [22, л. 397, 399].

В результате, в июне – июле 1946 г. 743 эльзасца-лотарингца, дополнительно выявленные среди военнопленных, находящихся в СССР, были освобождены и переданы в лагерь в г. Сигете (Румыния) для дальнейшего возвращения на родину. По данным МВД по состоянию на август 1946 г. в советских лагерях и спецгоспиталях содержалось всего 23 военнопленных француза и 11 эльзас-лотарингцев, освобождение которых было задержано только ввиду их болезни. Всего же к текущему времени из советских лагерей было освобождено и передано органам репатриации 19 446 французов [12, л. 74].

Однако рассказы очевидцев о якобы сотнях и тысячах французов, удерживаемых в лагерях на территории СССР, продолжали волновать французское общество. На заседании Французской Национальной ассамблеи 11 июля 1946 г. депутат П. Клостерман заявил, что на родину не вернулось 55 013 мобилизованных в германскую армию эльзасцев [12, л. 47]. Все это вынуждало французское правительство вновь и вновь поднимать перед советским руководством вопросы о наличии в СССР не отправленных на родину соотечественников.

В целях успокоения общественности глава французской миссии по репатриации полковник Маркье лично посетил лагерь органов репатриации в Одессе и приёмно-передаточный пункт в г. Санкт-Валентин (Австрия), о чем сообщил на страницах журнала L'Humanité в октябре 1946 г. Австрийский исследователь С. Карнер скептически оценил достоверность полученной Маркье информации, утверждая, что «МВД не представило ему возможности посетить другие лагеря для военнопленных» [23, с. 222]. Однако это не вполне так – французский чиновник не побывал в советских лагерях именно в 1946 г., однако на следующий год получил такую возможность.

Маркье в своих многократных письмах в адрес Управления уполномоченного Совета Министров СССР по делам репатриации настойчиво ставил вопрос о разрешении посещения Тамбовских лагерей МВД, ссылаясь на наличие там французов. Несмотря на сообщения МВД о том, что все военнопленные французы освобождены и отправлены на родину, а лагерь в Раде и спецгоспиталь в Кирсанове, где преимущественно содержались французы, в сентябре 1946 г. ликвидированы, Маркье все же настоял на возможности организации его поездки в Тамбовскую область в феврале 1947 г. Глава французской миссии по репатриации осмотрел лагерь в Моршанске 21 февраля и убедился, что там нет ни одного француза, эльзасца или лотарингца [12, л. 179–181, 210–213].

20 мая 1947 г. на заседании Национального Собрания Франции министр по делам

бывших фронтовиков и пострадавших от войны Ф. Миттеран заявил, что «в России нет больше французских военнопленных… Советский Союз сделал все, чтобы французские военнопленные были отправлены с советской территории» [24, с. 3].

В 1948 г. во Франции был опубликован список уроженцев департаментов Нижнего Рейна, Верхнего Рейна и Мозеля, включенных в немецкие военные части и не вернувшихся на родину до 1 марта текущего года. В списке значилось 18 111 человек [25, л. 2–62]. Погибли ли они все на фронтах, достоверно установить не представляется возможным. Однако точно можно утверждать, что к указанному времени они не могли находиться в советских лагерях в качестве военнопленных, за исключением единичных случаев. Многочисленные отчетные справки (несмотря на имеющиеся статистические расхождения), а также делопроизводственные документы ГУПВИ свидетельствуют о завершении процесса массовой репатриации военнопленных французов, включая эльзасцев и лотарингцев, из СССР еще в 1945 г. Новейшие французские исследования подтверждают этот тезис. Так, Р. Бати констатирует, что 97% французских военнопленных вернулось на родину к маю 1946 г. В Тамбовских госпиталях оставались лишь несколько десятков нетранспортабельных французов [26, p. 26].

Подводя итог, следует отметить, что взятые советским правительством обязательства по соглашению с французской стороной о взаимной репатриации военнопленных были выполнены в полном объеме. Французы стали фактически первыми массово отправленными на родину из тыловых лагерей НКВД, вне зависимости ни от их трудоспособности, ни от воинского звания. Более того, французские военнопленные подлежали репатриации вообще без каких-либо ограничений, включая участников военных преступлений на территории СССР, а впоследствии и лиц, служивших в нацистских военизированных структурах.

В ответ на поступающие от французских властей запросы о наличии в советских лагерях значительного числа не репатриированных эльзасцев и лотарингцев – жителей регионов, где осуществлялась принудительная мобилизация в вермахт, советской стороной были предприняты все возможные меры для поиска их среди военнопленных, находящихся на территории СССР. В результате все выявленные уроженцы и жители данных областей, вне зависимости от национальности (преимущественно это были немцы), были отправлены на родину.

Несмотря на все трудности организационного характера в условиях послевоенного времени, подавляющее большинство французских военнопленных, содержащихся в советских лагерях, было отправлено на родину уже в августе – сентябре 1945 г.

Список литературы

1. *Арзамаскин Ю. Н.* Тайны советской репатриации. М. : Вече, 2015. 352 с.
2. *Сидоров С. Г.* Особенности проведения репатриации иностранных военнопленных из СССР в 1945–1946 годах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4 : История. Регионоведение. Международные отношения. 2012. № 1 (21). С. 67–75.
3. *Сидоров С. Г.* Репатриация военнопленных из СССР в 1947–1950 гг. // Власть. 2012. № 2. С. 156–160.
4. *Конасов В. Б.* Судьбы немецких военнопленных в СССР: дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы. Очерки и документы. Вологда : Издательство Вологодского института повышения квалификации педагогических кадров, 1996. 318 с.
5. *Кузнецов С. И.* Японцы в сибирском плену (1945–1956). Иркутск : ТОО Издательство журнала «Сибирь», 1997. 261 с.
6. *Всеволодов В. А.* Ступайте с миром: к истории репатриации немецких военнопленных из СССР (1945–1958 гг.). М. : Московский изд. дом, 2010. 386 с.
7. *Мизис Ю. А.* Путь на Родину: репатриация военнопленных из Тамбовских лагерей в 1944–1947 гг. Взгляд с советской стороны // Социальная история Второй мировой войны : материалы международной конференции (Тамбов, 26–28 августа 2016 г.) / отв. ред. В. Л. Дьячков, Ю. А. Мизис. Тамбов : Издательский дом ТГУ имени Г. Р. Державина, 2017. С. 307–323.
8. *Мизис Ю. А., Дьячков В. Л., Канищев В. В.* Тамбовские лагеря для военнопленных: история, контингент, социально-психологические аспекты взаимоотношений внутри и вовне. 1943–1948 гг. Тамбов : ООО «Тамбовский полиграфический союз», 2022. 472 с.
9. Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы / сост. М. М. Загорулько, С. Г. Сидоров, Т. В. Царевская ; под ред. М. М. Загорулько. М. : Логос, 2000. 1120 с.
10. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5446 (Совет Министров СССР). Оп. 106 с. Д. 145.
11. Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945 : документы и материалы : в 2 т. Т. 2 : 1944–1945 / редкол. : А. Л. Адамишин, В. А. Зорин, К. П. Зуева, Г. С. Пачес, П. П. Севостьянов. М. : Политиздат, 1983. 572 с.
12. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 1 п (Главное управление по делам военнопленных и интернированных МВД СССР). Оп. 12 е. Д. 14.
13. Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. Р-3444 (Управление лагеря № 188 МВД СССР (ст. Рада)). Оп. 1. Д. 23.
14. РГВА. Ф. 1 п. Оп. 02 е. Д. 1.
15. РГВА. Ф. 1 п. Оп. 07 е. Д. 126.

16. ГАТО. Ф. Р-4148 (Отдел по делам военнопленных и интернированных при УМВД по Тамбовской области). Оп. 1. Д. 8.
17. ГАТО. Ф. Р-3444. Оп. 1. Д. 33.
18. РГВА. Ф. 4 п (Антифашистский отдел при политотделе ГУПВИ МВД СССР). Оп. 27. Д. 1.
19. РГВА. Ф. 4 п. Оп. 27. Д. 2.
20. РГВА. Ф. 4 п. Оп. 27. Д. 3.
21. *Митчи Ш.* Тамбов. Хроника плена: Воспоминания. СПб. : Изд-во К. Тублина, 2015. 432 с.
22. РГВА. Ф. 1 п. Оп. 12 е. Д. 13.
23. *Карнер С.* Архипелаг ГУПВИ: Плен и интернирование в Советском Союзе: 1941–1956. М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2002. 302 с.
24. *Кириллов К.* Французские власти нарушают соглашение о репатриации // Правда. 1947. № 137 (10528). 1 июня.
25. РГВА. Ф. 1 п. Оп. 2 т. Д. 130.
26. *Baty R.* Tambov camp sovietique 1942–1946. Les archives sovietiques parlent. Strasbourg, 2011. 256 p.

Поступила в редакцию 18.02.2026; одобрена после рецензирования 01.03.2026;
принята к публикации 12.04.2026; опубликована 30.09.2026

The article was submitted 18.02.2026; approved after reviewing 01.03.2026;
accepted for publication 12.04.2026; published 30.09.2026